

И. К. САЗОНОВА

**СЕМАНТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ФОРМИРОВАНИИ ВТОРИЧНОГО
ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА**

Возникновение вторичного лексического значения слова — явление, свойственное словам различной грамматической и семантической принадлежности и в этом смысле обладающее свойством универсальности в развитии словарного состава языка. Хотя изучению закономерностей, касающихся возникновения и формирования лексических значений слова, на материале русского языка посвящено немало теоретических исследований¹, механизм образования вторичных лексических значений разных типов у семантически однородных групп слов изучен еще недостаточно².

Исследование с этой точки зрения только предметно-тематических групп лексики³ не позволяет выявить всех закономерностей в формировании вторичных лексических значений, так как «...закономерности изменения значений слов обычно выходят далеко за пределы любой из тематических групп слов или, наоборот, захватывают только часть слов какой-либо тематической группы»⁴. Очевидно, что для лексикологии большой интерес представляет описание лексико-семантических групп, объединенных некоторым общим признаком (иной природы, чем собственно предметно-тематический признак), обуславливающим регулярность и закономерность формирования вторичных лексических значений у слов данной лексико-семантической группы.

В настоящей статье сделана попытка выявить такой общий семантический признак на материале страдательных причастий прошедшего времени совершенного вида. Для этого было проведено изучение лексико-семантических групп причастий, развивающих сходные вторичные лексические значения, связанные с явлением «переходности частей речи». В лингвистической литературе проблема переходности частей речи (адъективация, адвербиализация, субстантивация) исследовалась главным образом в

¹ См. основные работы: В. В. Виноградов, Основные типы лексических значений слова, ВЯ, 1953, 5; К. А. Аллендорф, Значение и изменение значений слов. Докт. диссерт., М., 1966; О. С. Ахманова, Очерки по общей и русской лексикологии, М., 1957; Д. Н. Шмелев, Очерки по семасиологии русского языка, М., 1964; ег о же, Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). Докт. диссерт., М., 1969; «Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка», М., 1968, и др.

² Эти проблемы в разных аспектах рассматриваются в немногих специальных работах: Т. Н. Семёнова, Имена существительные с синтаксически несвободными значениями в современном русском языке. Канд. диссерт., Саратов, 1967; Ю. Д. Апресян, Экспериментальное исследование семантики русского глагола, М., 1967; Н. Е. Сулименко, Качественные прилагательные в их отношении к типам лексических значений. Канд. диссерт., Л., 1966, и др.

³ Например, описание особенностей семантического развития «глаголов движения», «глаголов органов чувств», «прилагательных с обозначением цвета» и др.

⁴ Ф. П. Филин, О названиях обуви в русском языке, «Лексикографический сборник», VI, 1963, стр. 166; см. также: ег о же, О лексико-семантических группах слов, сб. «Языковедские исследования в честь академика Стефан Младенов», София, 1957.

грамматическом аспекте⁵ и не стала еще предметом внимания лексикологов, хотя выявление и описание лексико-семантических групп слов, обладающих однотипной семантической деривацией, представляет большой интерес и для теоретической лексикологии, и для практической лексикографии.

При изучении вторичных лексических значений, связанных с явлением переходности частей речи, определение границ слова, объема его значений затруднено не только неразработанностью принципов отграничения отдельного значения слова, значения слова и оттенка этого значения, отдельного значения слова и употребления слова в этом значении в роли другой части речи. Перед исследователем непременно встает вопрос о разграничении омонимов, так как семантическое тождество слова при формировании вторичного лексического значения ослабляется возникающим нарушением его функционального тождества, ассоциативными связями с иным по природе лексико-грамматическим классом слов и целым рядом других явлений.

Морфологическая группа страдательных причастий прошедшего времени совершенного вида (далее — СП) привлекала внимание многих исследователей именно тем, что в одиночной препозиции у СП ослабевают глагольные грамматические категории времени, вида и залога и эти причастия в наибольшей степени, как утверждают многие исследователи, подвержены процессу адъективации. В лингвистической литературе даже утвердилось мнение, что каждое одиночное препозитивное СП (за исключением причастий со значением «конкретно-физического действия основы») приобретает адъективное лексическое значение. Говорится о массовой адъективации одиночных препозитивных СП и даже о «бурной адъективации страдательных причастий»⁶. Однако по вопросу о природе адъективации существуют противоречивые точки зрения, а процесс формирования вторичных адъективных (или «качественно-прилагательных»⁷) лексических значений и природа этих значений у СП совсем не изучены на лексикологическом уровне⁸. Одни исследователи считают, что адъективные значения отрываются от системы глагола и переходят в класс прилагательных (адъективация традиционно определяется как переход других частей речи в прилагательные⁹), другие — что «конечным результатом адъективации является приобретение причастиями адъективных значений»¹⁰, а не отрыв их от системы глагола.

⁵ См.: Е. П. Калечиц, О переходности в области частей речи в русском языке, сб. «Вопросы современного русского литературного языка и методики преподавания его в школе», Свердловск, 1961; Г. Н. Сергеева, К вопросу об адвербиализации в современном русском языке, «Уч. зап. Дальневосточного гос. ун-та», XI, Языковедение, Владивосток, 1968, и др.

⁶ Л. П. Калакуцкая, Грамматические условия адъективации причастий в современном русском языке. Автореф. канд. диссерт., М., 1967, стр. 6.

⁷ В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 282.

⁸ В работах, посвященных адъективации, исследуются главным образом грамматические причины этого процесса. См. основные работы: Л. П. Калакуцкая, Адъективация причастий в современном русском литературном языке, М., 1971; М. Ф. Лукин, Переход причастий в прилагательные и существительные в современном русском литературном языке. Канд. диссерт., Киев, 1965; И. А. Краснов, Переход причастий в прилагательные в современном русском литературном языке. Канд. диссерт., М., 1955; е го же, Пути перехода причастий в прилагательные, «Р. яз. в шк.», 1957, 6; В. Е. Ломтева, Переход причастий в прилагательные в современном русском литературном языке. Канд. диссерт., Саратов, 1954; А. С. Бодняков, Переход причастий в прилагательные, «Р. яз. в шк.», 1947, 2; В. В. Лопатин, Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию, ВЯ, 1966, 5, и др. работы.

⁹ О. С. Ахманова, Словарь лингвистических терминов, М., 1966, стр. 34.

¹⁰ Л. П. Калакуцкая, Грамматические условия адъективации причастий..., стр. 2; ср.: В. В. Лопатин, указ. соч.

Соответственно в лексикографической практике, например, причастия *исследованный* (вопрос) и *изученный* (тема) в 17-томном Академическом словаре описаны как прилагательные, в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова — *изученный* описывается как причастие с оттенком «хорошо знакомый, известный»; причастие *исследованный* словарем не отмечается; в 4-томном словаре АН СССР под редакцией А. П. Евгеньевой у причастия *изученный* отмечается особое адъективное значение, причастие *исследованный* словарем не отмечается; по-разному определяются в толковых словарях причастия *установленный*, *заведенный* (порядок), *скрытый* (досада), *разорванный* и целый ряд других.

Для выявления семантических свойств основы СП, обуславливающих регулярность и однотипность формирования вторичного лексического значения, важно обратить внимание на такие свойства основы, благодаря которым одиночное препозитивное СП сохраняет залоговое значение (объединение причастий в тематически-понятийные группы не дает ключа к объяснению механизма образования адъективных значений). Одиночное препозитивное СП морфологически выражает страдательный залог и в системе залоговых значений является членом оппозиции актив — пассив¹¹: инфинитив (действительный залог) — СП (страдательный залог). Во фразах типа: *Прежде всего загорелась спущенная штора; Мы не купили билетов на объявленный спектакль; Вот к чему привела утраченная бдительность* — у одиночных препозитивных СП *спущенная*, *объявленный*, *утраченный* залоговое значение страдательности (особый вид отношений между субъектом и объектом действия) не исчезает: субъект действия хотя и не назван в контексте, но мыслится в обобщенном виде, объект действия назван — это существительное, которым может управлять соответствующий глагол в предикативной форме и с которым согласуется причастие. Значение страдательности как бы фокусируется в своем наиболее обобщенном виде в семантике основы названных одиночных препозитивных СП.

Однако не все СП одинаково выражают наличие субъекта действия. Разные группы СП обозначают также и разный характер действия в отношении к субъекту и объекту. Этот наиболее общий семантический признак лег в основу классификации глаголов и соответствующих СП, которые, как показали наблюдения, делятся на три лексико-семантические группы, различающиеся своими возможностями в образовании вторичных адъективных лексических значений.

1. **Субъектная лексико-семантическая группа.** Сюда относятся переходные глаголы (и соответственно СП), обозначающие действия, в результате которых не меняются никакие существенные внутренние свойства объекта; ср.: *одобрить* (*одобренное*) *решение*; *осознать* (*осознанное*) *положение*; *заметить* (*замеченная*) *странность*; *изучить* (*изученные*) *документы*; *исследовать* (*исследованная*) *проблему*; *обещать* (*обещанная*) *работу*; *объявить* (*объявленный*) *спектакль*; *выбрать* (*выбранное*) *место*; *обнаружить* (*обнаруженные*) *безобразия*; *избрать* (*избранная*) *профессию*; *забыть* (*забытое*) *обещание*; *предложить* (*предложенные*) *услуги*; *запретить* (*запрещенное*) *выступление*; *утратить* (*утраченная*) *бдительность*; *заказать* (*заказанный*) *торт*; *опорочить* (*опороченный*) *человека*; *показать* (*показанный*) *спектакль* и мн. др. Глаголы и СП этой лексико-семантической группы обозначают действия (и состояние объекта в результате действия), связанные не только с умственной деятельностью человека,

¹¹ Об этом говорил А. В. Бондарко в докладе «Принцип поля при исследовании грамматических категорий и проблема залога», прочитанном в Институте русского языка АН СССР на Виноградовских чтениях 12 января 1971 г.

эмоциями и отношениями разного рода, но и конкретные, физические действия, ср.: *потерять (потерянный) ключ, найти (найденный) платок, выпить (выпитый) чай, сжечь (сожженное) письмо*, а также действия, в результате которых что-либо создается или приобретается, например: *выиграть (выигранный) приз, изобрести (изобретенный) способ, завоевать (завоеванное) доверие* и др.

Главным семантическим признаком этой лексико-семантической группы является выраженная семантикой основы СП соотношенность действия прежде всего с субъектом — субъектность действия. Сходное явление отмечал Р. А. Маркарян для возвратных глаголов: «...в русском языке большое количество и таких возвратных глаголов, в логическом значении которых слишком ярко страдательное значение. Заключается оно в прямой соотношенности с живыми производителями действия. К таким глаголам относятся, например: *замалчиваться, недооцениваться*... Поэтому при этих глаголах даже там, где название реального деятеля опущено, страдательное значение довольно ощутимо сохраняется...»¹².

Одиночные препозитивные причастия этой группы обозначают признак опосредствованный, внешний, приобретенный объектом в результате действия всегда осознаваемого, мыслимого субъекта. У действительного, с которым согласуется субъектное одиночное препозитивное СП и которое именно в таком сочетании не перестает мыслиться как объект действия, резко противопоставлены признаки, обозначаемые собственно прилагательным (внутренние, существенные, постоянные, семантической основой которых является понятие качества) и признаки, обозначаемые причастием (внешние, приобретенные в результате действия субъекта, в семантическом содержании которых на первый план выступает не только результативность, но и сама процессуальность действия). Ср.: *решение важное, актуальное, правильное, неправильное* и т. д. — и *одобренное, забытое* и т. д.; *сын добрый, заботливый, маленький* и т. д. — и *обманутый, брошенный* и т. д.; *выступление длинное, короткое, интересное, злое* и т. д. — и *обещанное, объявленное* и т. д.

Противопоставленность признаков свидетельствует о наличии разных семантических сфер, к которым принадлежат одиночные препозитивные причастия субъектной группы, с одной стороны, и собственно прилагательные, с другой. Эти сферы никогда не пересекаются в том смысле, что для причастий субъектной группы нет синонимичных или антонимичных замен из семантической сферы собственно прилагательных, они не входят ни в какие другие лексико-семантические группы] или лексические парадигмы, членами которых могли бы быть собственно прилагательные. Семантический признак субъектности, который входит как составной элемент в сферу лексико-семантических характеристик причастия, препятствует ослаблению или утрате залогового значения страдательности, даже если СП оказывается в одиночной препозиции. Причастия субъектной группы входят в ряд синонимичных грамматических конструкций, включающих в свой состав две предикативных формы того же глагола — форму 3-го лица множественного числа прошедшего времени (в неопределенно-личной конструкции) и краткую форму причастия. Ср.: *заказанный торт — торт, который заказали — торт, который был заказан; одобренное решение — решение, которое одобрили — решение, которое было одобрено; утраченная бдительность — бдительность, которую утратили — бдительность, которая была утрачена* и т. д. Синонимичность этих конструкций свидетельствует о том, что в семантике

¹² Р. А. М а р к а р я н, Страдательный залог и страдательные обороты в современном русском языке. Автореф. канд. диссерт., М., 1952, стр. 8—9.

глагольного значения одиночного препозитивного СП субъектной группы нет признаков, которые выводили бы СП за смысловые пределы глагольной лексической парадигмы и говорили бы о смысловых сдвигах в глагольном лексическом значении причастия. Как правило, причастия субъектной группы в одиночной препозиции не развивают вторичных адъективных значений и адъективации не подвергаются.

Однако в ряде теоретических исследований и в лексикографической практике у некоторых СП субъектной группы выделяются несуществующие вторичные адъективные значения (ср., например, толкование причастий *забытый*—в сочетаниях *забытое полотенце, ведро и под., установленный* и др. в 4-томном или 17-томном словарях русского языка). По-видимому, это вызвано неразличением разных по характеру явлений, одно из которых связано с метонимическими изменениями лексического значения слова. Существующие в русском языке продуктивные и регулярные метонимические модели-формулы¹³ вовлекают в свою сферу огромное количество лексических единиц, которые, подчиняясь этим моделям, не меняют своих лексических значений (ср.: *весь дом заговорил об этом; весь корабль смеялся* и др.). Одиночные препозитивные СП вовлекаются в метонимическую модель-формулу «действие — результат». В одиночной препозиции (по сравнению с полными причастными конструкциями) у всех СП происходит некоторое временное окачествление глагольного значения причастия, однако у СП субъектной группы, как правило, это окачествление не является словарным, метонимия там представляет собой явление семантико-синтаксическое. См., например, следующие контексты: «...она заразилась, ухаживая за каким-то одиноким и брошенным заразным больным, и умерла в несколько дней» (Лазарев-Грузинский, А. П. Чехов); «Высоцкий был вызван, явился в назначенное время, и я стал его допрашивать» (Шейнин, Записки следователя); «Владимир Ильич начал объяснять, что общие установленные правила нарушать никому не полагается» (Коротков, Всегда в памяти); «После завтрака все разошлись. Евгений по заведенному порядку пошел к себе в кабинет» (Л. Толстой, Дьявол); «...я оперлась на столик, силясь сдерживать головокружение и найти утраченное равновесие» (Шагинян, Приключения дамы из общества); «Скудастое детское лицо ... хранило снаружи все усвоенные пороки — тут были тщеславие, трусость, наивность» (Шагинян, Прыжок);— «Так хорошо воскрешать в памяти каждый поворот изученных тропинок и дорог» (Федин, Города и годы).

2. Объектная лексико-семантическая группа. К ней принадлежат переходные глаголы (и соответственно СП), обозначающие действия, активно направленные на объект с целью изменить его существенные внутренние свойства; ср.: *улучшить (улучшенное) качество; усилить (усиленная) охрану; упростить (упрощенное) решение; избаловать (избалованный) ребенка; запустить (запущенное) хозяйство; ослабить (ослабленное) внимание; очистить (очищенный) двор; расширить (расширенное) отверстие; разорвать (разорванное) платье; испачкать (испачканные) руки; испортить (испорченная) картинку; забрызгать (забрызганный) плац; сломать (сломанная) игрушку; стоптать (стоптанные) каблуки; растрепать (растрепанная) книгу; застеклить (застекленная) террасу* и мн. др.

Главным семантическим признаком этой лексико-семантической группы является выраженная семантикой основы СП соотносительность действия прежде всего с объектом, направленность его на объект — объектность действия. В семантике одиночных препозитивных причастий этой

¹³ См.: «Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка», стр. 54.

группы на первый план выступает результативность, а не процессуальность действия, в отличие от субъектных СП.

Объектные СП неоднородны по своему характеру и распадаются на два подтипа, которые имеют существенные различия в формировании вторичных адъективных лексических значений. Первый подтип объединяет глаголы и СП, в основе которых назван способ конкретно-физического действия; это объектная группа способа действия, ср.: *сломаный* (*сломаный*), *разорвать* (*разорванный*), *расшатать* (*расшатанный*), *разбить* (*разбитый*), *стоптать* (*стоптанный*), *вышить* (*вышитый*), *продавить* (*продавленный*), *зашить* (*зашитый*), *переплести* (*переплетенный*), *взбить* (*взбитый*) и мн. др. Второй подтип объединяет глаголы и СП, в основе которых назван характер изменений, которые должны произойти с объектом под влиянием данного действия; это объектная группа характера изменений, ср.: *улучшить* (*улучшенный*), *замедлить* (*замедленный*), *упростить* (*упрощенный*), *обновить* (*обновленный*), *ослабить* (*ослабленный*), *ускорить* (*ускоренный*), *обострить* (*обостренный*), *обеднить* (*обедненный*), *избаловать* (*избалованный*), *испортить* (*испорченный*), *закалить* (*закаленный*) и мн. др.

Объектная группа способа действия. Многие исследователи полагают, что значение «конкретно-физического действия основы» препятствует процессу адъективации. В действительности, как показывают наблюдения, этот лексико-семантический подтип в одиночной позиции образует регулярные ряды вторичных адъективных лексических значений. В употреблениях типа: «Он нашел на поле *сломанную* золотую челюсть» (Паустовский, Золотая роза); «...выговорил Василий Андреевич, подмигивая на ... *разорванный* и засаленный *полушубок*» (Л. Толстой, Хозяин и работник); «*Скрипящий, прокопченный, грязный, с гниющими половицами, с расшатанными ступеньками*.. ждет такой *пароход* своих мучеников» (Шагинян, Коринфский канал); «В отряде у Женки было двадцать восемь предприимчивых мальчишек с *ободранными коленками* и лоснящимися носами (Кабо, В трудном походе) и под. — одиночные препозитивные СП *сломаный, разорванный, прокопченный, расшатанный, ободренный* называют постоянный, существенный, внутренний признак предмета — безотносительно к глагольным категориям вида, времени или залога. *Сломаный* означает «негодный к употреблению» в сочетаниях *сломанная игрушка, сломанный стул* и под.¹⁴, *разорванный* означает «имеющий дырку, прореху в каком-либо месте, рваный» (ср. *разорванный чулок, разорванная перчатка* и под.), *расшатанный* означает «шаткий, непрочо держащийся» (*расшатанные петли двери, ножки стула* и под.).

У существительных, с которыми согласуются объектные СП, нет резкого противопоставления признаков, обозначаемых собственно прилагательными и причастиями. Ср.: *игрушка новая, старая, яркая, интересная, полезная, хорошая, целая, сломанная* и др.; *стул высокий, низкий, удобный, неудобный, новый, целый, хороший, сломанный; чулок капроновый, шерстяной, тонкий, светлый, хороший, целый, разорванный*. СП втягиваются в семантическую сферу собственно прилагательных. При этом они становятся членами лексико-семантических групп разного рода, например, членами противопоставлений антонимического типа: *сломаный, разорванный, разбитый* ↔ *целый, хороший* (в значении «целый», «годный к употреблению»); *зашитый* ↔ *рваный*; *вышитый* ↔ *без вышивки*; всту-

¹⁴ Сочетания типа *сломанная жизнь* и др., возникающие в сфере вторичных значений того же глагола, здесь не рассматриваются, т. к. предметом описания являются только прямые номинативные значения глаголов и их семантическая деривация.

пают в ассоциативные связи синонимического типа с прилагательными и существительными. Например: *рваный* = *разорванный*; *взбитый* = *пышный*; *вышитый* = *с вышивкой*; *переплетенный* = *в переплете* и т. д.

Причастия этой группы семантикой основы залоговое значение страдательности не выражают, субъект действия в одиночной препозиции не осознается даже в своем обобщенном виде. Это подтверждается нарушением синонимической соотносительности СП объектной группы с грамматической конструкцией, которая включает в свой состав глагол в личной форме. Фразы: *Он подарил ей сломанную игрушку* и *Он подарил ей игрушку, которую сломали (-ал, -ала)*; *На ней были забрызганные чулки* и *На ней были чулки, которые забрызгали (-ала, -ал)* (без распространения невозможно); *Он положил на стол переплетенную диссертацию* и *Он положил на стол диссертацию, которую переплели (-ел)* выражают разные смыслы, не синонимичны и не образуют взаимозаменяемых вариантов в отличие от СП субъектной группы. Нарушение трансформаций этого типа, так же, как и вхождение СП в семантическую сферу имен (см. приведенные выше примеры антонимии и синонимии), свидетельствует о возникновении в лексическом значении причастия новых, не собственно глагольных семантических признаков, которые формируют вторичное адъективное значение¹⁵.

Механизм образования этих значений у СП объектной группы можно, по-видимому, объяснить тем, что временное окачествление одиночного препозитивного СП при названном в отдаленном контексте субъекте действия перерастает в существенный и постоянный семантический признак слова, сначала — в адъективный оттенок значения, который сопутствует слову при повторном и однотипном его употреблении. Становясь существенным семантическим признаком, этот оттенок приобретает самостоятельное положение в семантической структуре причастия, формируя новое лексическое значение. Этому способствует семантика основы причастия — свойство объектности, тогда как в субъектной группе семантика основы препятствует возникновению такого рода семантического перераспределения элементов значения. Образование нового значения у СП объектной группы происходит на основе того же метонимического переноса глагольного значения по формуле «действие — результат», который вовлекает в свою сферу и СП субъектной группы. Однако эта продуктивная и регулярная метонимическая модель только в объектной группе становится явлением словарным. Об объектной группе характера изменений см. ниже.

3. «Субъектно-объектная» лексико-семантическая группа. Большое количество переходных глаголов (и соответственно причастий) занимает по своим лексико-семантическим свойствам промежуточное положение между субъектной и объектной группами. В отличие от субъектной группы в семантике основы таких СП выражена соотношенность действия прежде всего с объектом, а не с субъектом действия. В отличие от объектной группы они называют действие, не затрагивающее никаких существенных, внутренних свойств объекта. Это действия, производящие, как правило, механическое перемещение предмета (объекта) в пространстве, меняющие его положение. В лингвистической литературе эта лексико-семантическая группа, так же, как некоторые СП субъектной группы и объектная группа способа конкретно-физического действия, называется глаголами «кон-

¹⁵ Этому способствует также и то обстоятельство, что некоторые СП объектной группы становятся соотносительными с возвратными формами соответствующих глаголов, например: *разбитый* — *разбить*; *разбитый* — *разбиться*; *разорванный* — *разорвать*; *разорванный* — *разорваться*. Залоговое значение страдательности у причастий такого типа исчезает.

кредно-физического действия основы». Например: *выдвинуть* (*выдвинутый*) *ящик стола*, *вывезти* (*вывезенная*) *мебель*, *опустить* (*опущенная*) *руку*, *растопырить* (*растопыренные*) *крылья*, *повесить* (*повешенное*) *белье*, *насыпать* (*насыпанная*) *муку*, *закинуть* (*закинутая*) *удочку*, *выселить* (*выселенные*) *жильцов*, *вынести* (*вынесенный*) *мусор*, *выдернуть* (*выдернутый*) *шнур*, *вставить* (*вставленная*) *раму*, *удалить* (*удаленный*) *зуб*, *стянуть* (*стянутые*) *войска*, *содрать* (*содранная*) *кожу*, *разбросать* (*разбросанное*) *сено* и др.¹⁶

На первый план в семантике этих СП выступает не результативность, а процессуальность действия, все глагольные категории у них ярко выражены, залоговое значение, как и у субъектной группы, подчеркнуто семантикой основы. Одиночные препозитивные причастия этой лексико-семантической группы, как правило, не имеют вторичных «адъективных» лексических значений. Однако в тех случаях, когда глаголы имеют переносные значения, близкие по семантике к объектной лексико-семантической группе, адъективация происходит в сфере вторичных переносных значений глагола. Например, глаголы *приподнять*, *спаять*, *растянуть* имеют переносные значения (ср. сочетания *приподнять настроение*; *спаять коллектив*; *растянуть доклад*). Соответствующие СП (*приподнятое настроение*, *спаянный коллектив*, *растянутый доклад*), обладая семантическими свойствами объектной группы, образуют вторичные адъективные значения, которые несут на себе печать метафоризации, так как деривационно связаны с теми значениями инфинитива, которые образовались путем метафорического переноса. Здесь наблюдается явление «наложения» метонимии и метафорического переноса в процессе формирования вторичного лексического значения слова.

■

СП во вторичном адъективном значении имеет свое внеязыковое означаемое, парадигматические и синтагматические свойства, а также деривационную значимость¹⁷.

Означаемое для СП в адъективном значении — это отнесенность постоянного, внутреннего признака предмета или явления к результату действия в обобщенном плане, безотносительно к конкретному процессу. В этом смысловая сущность вторичного адъективного лексического значения. Значение действия в семантике адъективного значения играет роль прозрачной «внутренней формы», семантические и грамматические признаки прилагательного вытесняют все категориальные признаки глагола (поэтому эти значения называются адъективными, а в словарях им предпосылается грамматическая помета «в знач. прил.»).

Семантическое содержание адъективных значений СП может быть сформулировано следующим образом: «признак, отнесенный к результату какого-либо действия, мыслимого в обобщенном плане»¹⁸.

¹⁶ Границы между субъектно-объектной и субъектной группами весьма подвижны, так что иногда отнесение некоторых глаголов к той или другой группе вызывает колебания.

¹⁷ Обоснование терминов «деривационная значимость», а также «деривационная связанность» как свойств лексического значения см.: Д. Н. Ш м е л е в, Проблемы семантического анализа лексики, стр. 388—403.

¹⁸ Определение семантического содержания адъективного лексического значения, даваемое В. В. Лопатиным, — «подвергшийся какому-либо действию и содержащий результат этого действия» (см.: В. В. Л о п а т и н, Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию, ВЯ, 1966, 5, стр. 45; см. также: «Грамматика современного русского литературного языка», АН СССР, М., 1970, стр. 361) требует, как нам кажется, уточнения, так как адъективное значение не содержит в семантике смысла

Парадигматические свойства вторичных адъективных значений СП заключаются в их способности вступать в антонимические, синонимические и ассоциативно-смысловые связи с именами, быть членами именных лексико-семантических групп.

Синтагматические свойства адъективных значений СП проявляются в строгом распределении синтаксических позиций между собственно глагольным и вторичным адъективным лексическим значением СП. За СП в его адъективном значении закрепляется одиночная препозиция, в которой невозможно употребление того же СП в глагольном значении (если глагольность значения не поддержана контекстом). В сочетаниях *вышитая скатерть, сломанные часы, разорванное платье, продавленный диван, стоптанные каблуки, ободранные колени* и др. вне контекста объектные СП воспринимаются прежде всего в своих адъективных лексических значениях. Их глагольные значения (в отличие от глагольных значений СП субъектной группы) в одиночной препозиции становятся всегда контекстно обусловленными и в этом смысле относительными. У адъективированных СП, таким образом, происходит распределение синтаксических позиций между собственно глагольным и вторичным адъективным лексическими значениями. Интересно отметить, что количество употреблений, например, объектных СП в контекстно обусловленной одиночной препозиции может служить показателем образования самостоятельного адъективного значения или формирования у глагольного значения особого адъективного оттенка.

Рассматривая категориальные признаки вторичных адъективных значений и адъективацию как явление полисемии, мы прежде всего касаемся проблемы семантического тождества слова, проблемы связанности и соподчинения глагольного и адъективного лексического значения причастия. Адъективные лексические значения всегда мотивированы первичным глагольным значением. Об этом свидетельствует не только метонимическая их связанность, но и деривационная связанность адъективного значения с инфинитивом (через глагольное значение); благодаря наличию у адъективного значения ясной внутренней формы (результат действия) в них живы ассоциативные связи с глагольным семантическим элементом — значением объектности: признак, называемый адъективным значением, присущ существительному — объекту действия, которым глагол управляет в предикативных формах (*вышить, вышитая скатерть; сломать, сломанная игрушка; изорвать, изорванная книга* и т. под.). Деривационная значимость адъективного значения определяется, таким образом, системой глагольных форм.

Связанность глагольного и адъективного значения СП проявляется и в типичном для этих значений явлении диффузности¹⁹, как бы незаметном переходе одного значения в другое, взаимопроницаемости. Часто встречаются контексты, где невозможно четко определить границу между собственно глагольным и вторичным адъективным значением СП. Например: «На Великом океане их застаёт шторм, корабль носится по волнам,

«подвергшийся какому-либо действию» (ср. примеры, приводимые в Академической грамматике: *изолированная комната, накрашленная рубашка*. В семантике адъективного значения действие мыслится безотносительно к процессу. Там же приводятся и сочетания *утраченные иллюзии, сгущенное молоко*, что говорит о том, что семантические свойства основы не приняты составителями во внимание и в одном ряду даны разнородные явления: *сгущенное молоко* — термин, который следует рассматривать в ряду терминологических сочетаний, а *утраченный* — субъектное причастие, не имеющее адъективного значения).

¹⁹ Явление, описанное Д. Н. Шмелевым на примере некоторых существительных (см. указ. соч., стр. 167—168, 190).

без руля, с *изорванными парусами*» (Короленко, Воспоминания о Чернышевском); «Среди исписанных и *изорванных* клочков бумаги стоял стакан с недопитым портером и небольшая склянка» (Бунин, Дело корнета Елагина)²⁰.

Мотивированность вторичных адъективных значений глагольными значениями, их связь на базе метонимии, наличие ясной внутренней формы, деривационная связанность и зависимость СП в адъективном значении от инфинитива, явление диффузности — все это обеспечивает наибольшую устойчивость объединения глагольного и адъективного значений в пределах одного слова и не приводит к нарушению его семантического тождества. Об омонимии можно говорить, по-видимому, только в том случае, когда все перечисленные явления отсутствуют²¹.

Нарушение семантического тождества слова и распад полисемии чаще всего происходит в подтипе «объектная группа характера изменений». В случаях типа: «В дверях стоял *вооруженный красновардеец* (Коротков, Всегда в памяти); «Я любовался ею, находил трогательную прелесть в ее побледневших чертах, в ее нерешительных *замедленных движениях*» (Тургенев, Ася); «Мухортый вскидывал задней ногой только так, чтобы коснуться его *засаленного полушубка*» (Л. Толстой, Хозяин и работник); «Приняли меня *утомленные люди*, недоверчиво и с большой неохотой» (Яхонтов, Путь актера); «Такое *запущенное производство* не перестроить безболезненно» (Николаева, Битва в пути); «Зачем существуют пестрые пиджаки и скверные осенние пальто с *продырявленной подкладкой*» (Мамин-Сибиряк, Черты из жизни Пепко) — слова *вооруженный*, *замедленный*, *засаленный*, *утомленный*, *запущенный*, *продырявленный* не входят в семантическую сферу глагола и являются прилагательными, омонимичными соответствующим причастиям с собственно глагольным значением. У прилагательных исчезла мотивированность глагольным значением. Стерлось значение внутренней формы «отнесенность признака к результату действия», резко разграничились, обособились парадигматические и лексико-семантические сферы: *вооруженный* «с оружием»; *засаленный* «сальный, с жирными сальными пятнами»; *утомленный* «усталый»; *запущенный* «в запустении»; *продырявленный* «дырявый, с дыркой (дырками)»; *замедленный* «медленный, неторопливый». Интересно, что более резко и четко у омонимов этого типа разграничиваются синтаксические позиции для СП и прилагательных. Точнее, СП, имеющее соответствующий омоним — прилагательное, даже будучи контекстно обусловленным, не может употребляться в одиночной препозиции (в отличие от СП с вторичными адъективными значениями). Естественно, что явления диффузности в этом случае не наблюдаются. Следует заметить, однако, что далеко не все СП объектной группы характера изменений (например, *улучшенный*, *ускоренный*, *обновленный* и ряд др.) образуют омонимы, становятся прилагательными. Это происходит, по-видимому, только в том случае, когда у вторичного адъективного лексического значения полностью стирается внутренняя форма.

²⁰ Примеры взяты из 17-томного Академического словаря русского языка, т. 5, стр. 238, где СП *изорванный* неоправданно квалифицируется как прилагательное.

²¹ Теоретическая неразработанность этих вопросов в лексикографической практике приводит к тому, что многие вторичные адъективные значения СП квалифицируются как прилагательные. См., например, в 17-томном Академическом словаре русского языка словарные статьи *изношенный*, *закрытый* (в сочетаниях *закрытая книга*, *воктик*, *глаза*, *люк*, *дверь*), *изломанный* (в сочетаниях *изломанная мебель*, *черенки*) и др.